

ИНВАЛИДНОСТЬ — ЖИЗНЬ ИЛИ СУДЬБА?

Родители девятилетней Кати М. узнали о существовании интерната для незрячих случайно. Девочка, ослепшая из-за зрительных перегрузок, потеряла верный шанс сохранить зрение. Увы, таких примеров немало. За ними — искалеченные судьбы десятков людей, виновных лишь в незнании.

По официальным данным, в России абсолютно здоровыми признаны 5% детей. В Петербурге ситуация еще более плачевна: лишь около одного процента детей считаются практически здоровыми.

“Среднее образование для “особых” детей” — так была обозначена тема круглого стола “НВ”, в котором приняли участие те, кто по долгу службы или по личным обстоятельствам занят решением этой проблемы. Увы, представители комитета по образованию мэрии Санкт-Петербурга, несмотря на неоднократные приглашения, прийти на круглый стол не сочли необходимым.

Юлия КАНТОР, корреспондент “НВ”, ныне очевидно: необходим новый подход к самой системе специального образования. На Западе на равных существуют интегрированное и “обособленное” обучение детей, имеющих психические или физические заболевания. Как обстоят дела в нашей стране и, в частности, в Петербурге, считающемся новатором в сфере педагогики?

Мargarита НИКИТИНА, член корреспондент РАО, доктор педагогических наук после долгих ожиданий опубликован проект закона “О специальном образовании”. Впервые за многие десятилетия на государственном уровне предложено узаконить обучение в обычных школах детей, которые имеют так называемые специальные образовательные потребности. Предполагается создать кабинеты коррекции, где будут работать дефектологи и социальные педагоги. В проекте предусматривается также и сохранение специальных коррекционных учреждений. Выбор предоставлен родителям.

Мargarита УРМАНЧЕЕВА, президент городской ассоциации ро-

дителей детей-инвалидов, я по образованию — педагог, занимаясь с детьми, страдающими тяжелыми нарушениями речи. Теперь, имея своего большого ребенка, я могу говорить о проблеме образования детей-инвалидов и как профессионал, и как мать. Хотелось бы, чтобы наши дети учились не только в специальных образовательных учреждениях, но и в обычных школах. Интеграционный момент кажется мне очень привлекательным. Между тем ясно, что к обучению “особых” ребят в среде здоровых должны быть готовы не только их нормальные сверстники, но и школа.

Вячеслав ОЗЕРОВ, председатель общества родителей детей инвалидов по зрению: мне приходится видеть результаты опросов родителей детишек, страдающих тяжелыми нарушениями зрения. Так вот, 90% из них хотят, чтобы чада имели высшее образование, и уповают при этом на школу. В свою очередь, педагоги зачастую не идут на контакт с семьей, воспринимая участие родителей как дань моде или обузу. Реформа образования для детей-

инвалидов должна, как мне кажется, включать в себя разработку системы эффективного взаимодействия родителей и учителей.

Марина ШИПУЛИНА, председатель городского диабетического общества: родительская помощь школе принимается в большинстве случаев тогда, когда необходимо покрасить стены, заклеить окна, словом, когда нужна бесплатная рабочая сила. То, что мы годами “приобретаем”, общаемся друг с другом, воспитывая своих детей, пропадает втуне. А ведь многие из нас могут оказать существенную пользу, скажем, при составлении программ индивидуального обучения. На Западе уже давно пошли по этому пути. Когда “особый” ребенок идет в школу, обойтись без родителей в поиске “подхода” к нему просто невозможно. Мне приходилось общаться с родителями, чьи дети пытались учиться в общеобразовательных школах. Ситуация развивается так: ребенку учитель не разрешает съесть на уроке бутерброд, выйти из класса, чтобы принять лекарство. Это, видите ли, отвлекает учеников. И вот ребенок переходит на домашнее обучение. Он изолируется от сверстников, получает лишнюю психологическую травму. И это — в Петербурге, о периферии я и не говорю.

Мargarита УРМАНЧЕЕВА, есть и другой аспект этой проблемы. Мы, родители, находимся в своем рода информационном вакууме. Мы совершенно разрознены. Общества родителей детей-инвалидов не имеют представления о деятельности друг друга и о том, что происходит на уровне города. Только на редких заседаниях в

мэрии нам удается узнать об изменениях и новациях, поделиться своими проблемами. Но этих встреч, безусловно, недостаточно. Мы готовы предоставлять информационные материалы, методические разработки, но почему-то власти ограничиваются заседаниями. Кто сейчас знает, что родители-энтузиасты добились открытия частных школ для детей с аутизмом, для “опорников”? Уже найдены спонсоры, готовые субсидировать работу. Но существование таких школ до сих пор в полной мере не узаконено, что вызывает трудности при подборе преподавателей и воспитателей. Достучаться до “верхов” мы не в состоянии, кажется, что вокруг — пустота.

Юлия КАНТОР: иногда эта “пустота” приводит к необратимым последствиям. Ребенок, которого “не заметили”, сталкивается со взрослым, чужим миром, не будучи приспособленным к нему. Далеко за примерами ходить не надо: недавно в редакцию пришла мама слабослышащего подростка. Он вскрыл себе вены, узнав, что не такой, как все, что не может поступить в институт, о котором мечтал. Причина, безусловно, и в позиции родителей, не подготовивших свое чадо к жизни. Но в меньшей степени, как мне кажется, виноваты и мы, устаревшие от такой проблемы, как профориентация инвалидов.

Вячеслав ОЗЕРОВ: получается парадокс. С тридцатых годов в СССР декларировалась идентичность обучения инвалидов и здоровых людей. В результате реабилитация начиналась едва ли не после окончания школы. Когда у

меня родился незрячий сын и я обратился в общество слепых, мне сказали: “Приходите, когда ему будет 14 лет”. Все программы по профессиональной ориентации рассчитаны на подростков, а не на маленьких детей-инвалидов. А именно им особенно важно с раннего пор начинать готовиться к выбору доступной профессии. Тогда можно будет избежать нервных срывов и дать обществу квалифицированных специалистов.

Марина ШИПУЛИНА: на Западе ни один педагог не скажет родителям: “Ваш ребенок никогда не сможет стать полноценным членом общества”. Просто родителям предложат начать с малого и убедиться самим, на что реально способен их ребенок. И малышу с первых лет обучения в школе учитель или консультант будут корректировать программу обучения не только в соответствии с первоначальным диагнозом — у нас он дается, как правило, раз и на всю жизнь, — но и с динамикой развития.

Надежда ПЕТРОВА, директор образовательной фирмы “Арсис”, кандидат педагогических наук: именно в специальных учебных заведениях должен работать методист по охране здоровья. Мы провели эксперимент, “выпустив” 10 специалистов подобного профиля, сейчас они трудятся в общеобразовательных школах. Там начинают понимать, что детям, имеющим так называемые пограничные заболевания, необходима помощь таких педагогов. Ведь состояние здоровья при должном внимании не только не ухудшится, но и станет лучше.

Марина ШИПУЛИНА: “погра-

ничные” дети — вообще особая статья в специальном образовании. Я возглавляю диабетическую ассоциацию Петербурга. Наши дети не нуждаются в обучении в специализированных школах. Все, что им нужно, — это специфический режим. Мы вынуждены забирать детей из школ и переводить на домашнее обучение. И в таких случаях помощь индивидуального педагога необходима как в школе, так и на дому. Но, к сожалению, в нашем городе, насколько мне известно, никто не занят решением проблем “пограничных” школьников. Я впервые слышу, что есть учреждение, готовящее педагогов по охране здоровья.

Мargarита НИКИТИНА: РГПУ начал подготовку социальных педагогов. Без этой категории специалистов говорить о реформе образования вообще невозможно, поскольку именно она является связкой между школой и семьей. К вопросу о детях, состояние которых, к счастью, не перешло в стадию инвалидности. Факультет коррекционной педагогики начал подготовку учителей для них.

Виталий РОГУШИН, руководитель секции незрячих учителей центрального правления ВОС: Все собравшиеся здесь знакомы друг с другом, но встретиться и обсудить наши проблемы смогли только у вас в гостях. А ведь именно в рамках такого общения можно найти выход из многих трудных ситуаций. Жаль, что в северной столице, располагающей колоссальным научным потенциалом, разработки уходят “в песок”, их просто некому “озвучить”. Характерный пример: кто из родителей или учителей знает, что у нас ус-

пешно внедрена система музыкальной и игротерапии в обучении и воспитании детей с нервно-психическими отклонениями... Перенимать наш опыт приезжают дефектологи из-за рубежа, а дома он не востребован.

Мargarита НИКИТИНА: между тем во многом наши разработки оказываются более прогрессивными, чем у зарубежных коллег. Так, в частности, недавно в РГПУ приезжали дефектологи из Швеции и открыли для себя новый подход к обучению звуковой речи глухонемых детей. Такие прецеденты множатся. Другое дело, что теория в России нередко оказывается оторванной от практики. На то, что на Западе внедряется в течение нескольких месяцев, у нас уходят годы.

Надежда ПЕТРОВА: мне кажется, сегодня мы не сказали об очень важной детали. Реформа школы невозможна без поддержки властей. Если городская администрация не найдет возможности действительно, а не в соответствии с циркулярами помогать нам, наши действия обречены на неудачу. Я полагаю, что мэрия ведет работу с инвалидами, но работу эту трудно назвать активной.

Юлия КАНТОР: наш круглый стол — попытка расставить точки над “i” и обозначить основные проблемы, существующие в сфере специального образования. Это недостаток сбалансированной работы и взаимодействия властей, школ и родителей, отсутствие интегрированного обучения, оторванность теоретической базы от практики, информационный вакуум.

Материалы круглого стола подготовила Юлия КАНТОР

Искренне Ваше. 1995. 25 апр